

УДК 343.98
DOI 10.52452/19931778_2025_1_79

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЧАСТНЫХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ПРАКТИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

© 2025 г.

С.Л. Кисленко

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва

ser-kislenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.06.2024

Цель настоящего исследования — обоснование методологического потенциала криминалистической теории причинности в системе криминалистической теории и системе практической деятельности субъектов уголовного преследования.

Методы исследования: абстрагирование, индукция, эмпирический анализ, идеализация, конструктивное введение теоретических объектов, общенаучное и философское обоснование.

Результаты исследования: подвергнута критическому анализу парадигма «досудебной» криминалистики и определены пути ее трансформации с учетом современных потребностей системы уголовного преследования; выявлены перспективы развития криминалистической теории причинности в связи с отдельными частными криминалистическими теориями; определены методология и пути взаимного обогащения данных частных теорий в процессе их системного развития; предложены пути совершенствования правового, организационного и криминалистического аспекта практики изобличения преступника на протяжении досудебного и судебного уголовного преследования.

Ключевые слова: криминалистическая теория, теория причинности, криминалистическая ситуалогия, изучение личности преступника, механизм преступления, уголовное преследование, поддержание государственного обвинения, криминалистическая тактика и методика.

Преступная деятельность, как сложная динамическая система взаимосвязанных элементов, традиционно рассматривается в криминалистике через призму познания причинно-следственных связей и отношений, отражающих существенное содержание данного явления. Продиктовано это в первую очередь связью познания причинно-следственных отношений механизма преступления с разработкой криминалистических средств и методов их выявления и использования в практике расследования преступлений. Предпосылки такого познания вытекают из философского постулата о наличии причинно-следственных связей между конкретными действиями и наступившими после них последствиями, являющихся всеобщей формой детерминизма явлений и процессов материального мира. При этом использование знаний о причинно-следственных связях не только отражает познавательную функцию криминалистической науки, но и является методологическим звеном в объясняющих процессах, позволяющих не только раскрыть существенные характеристики изучаемых объектов в единстве и связи их составляющих, но и правильно их использо-

вать в формировании логических форм отдельных криминалистических концепций (например, учениях: о криминалистической характеристике преступлений, о механизмах следообразования, о временных связях и отношениях, о криминалистической ситуалогии и др.).

Указанные обстоятельства не только актуализировали интеграцию в криминалистическую теорию категориального и содержательного аппарата теории причинности, но и выступили предпосылкой для формирования в ее рамках отдельного частного направления — теории криминалистической причинности. При этом процесс становления данной теории ученые оценивают по-разному — от описательного этапа ее зарождения до уровня полноценно сформированного комплексного научного знания [1]. В любом случае, можно констатировать, что криминалистическая теория причинности относится к числу активно формирующихся частных теорий, оказывающих свое методологическое влияние как на систему криминалистических теорий, так и разделы данной науки.

Несмотря на широкую область теоретического и практического преломления теории

причинности в криминалистической науке, в настоящей работе мы остановимся на возможностях применения ее положений в процессе генезиса криминалистического учения о личности лица, совершившего преступление. Такой узконаправленный подход продиктован рядом положений. *Во-первых*, любая частная криминалистическая теория характеризуется одновременным функционированием внутринаучных (дисциплинарных) и внешних (междисциплинарных) связей, что затрудняет проведение глубокого анализа их многообразия в рамках одной работы. *Во-вторых*, положения теории причинности исторически нашли отражение в криминалистической науке в границах системы «преступная деятельность – деятельность по выявлению и изобличению лиц, ее осуществляющих». А криминалистическая теория причинности традиционно ориентируется на методологическое обеспечение формирования практических рекомендаций по установлению и интерпретации механизма преступления в процессе расследования. *В-третьих*, развитие учения о личности преступника закономерно и наиболее активно отражается на модификации содержания других частных криминалистических теорий и разделов данной науки, органически связанных с результатами познания механизма поведения преступника¹.

В связи с этим учение о личности лица, совершившего преступление, исторически аккумулировав в себе ключевые положения теории причинности в целях научного объяснения процессов отражения преступного деяния и познания связей его результатов с технологией расследования преступлений, способно выступать базисным ядром для интерпретации таких знаний в рамках других частных криминалистических теорий.

Такая взаимозависимость позволяет представить предмет общей теории науки в виде взаимосвязанной совокупности его подсистем, где положения одной частной теории логически переплетаются с положениями другой. В первую очередь, это касается понятийного аппарата криминалистической науки, в рамках которого частнонаучные категории одной теории должны иметь связь и выражаться через категории другой теории без существенных противоречий².

С другой стороны, поступательное развитие криминалистической техники, тактики и методики, как ответ правоохранительной практики на стремительно развивающуюся преступную деятельность, постоянно способствует расширению и совершенствованию содержания частных криминалистических теорий. Объясняется

это принципом соотносимости любой частной теории не только с общим предметом науки, но и с ее разделами, в рамках которых и происходит пересечение таких теорий и проявление их прикладного значения (как единичного, так и суммарного).

Но если применительно к криминалистической технике положения теории причинности нашли преломление исторически посредством их интегрирования в изучение и моделирование механизма преступления и были отражены в многочисленных ее направлениях, связанных с рассмотрением возможностей отождествления лица, его совершившего, по отдельным признакам [2–4], то в криминалистическую тактику и методику теория причинности стала проникать посредством поступательного развития разных частных учений (о личности преступника, криминалистических ситуациях, теории преодоления противодействия и пр.) достаточно позже [5–7], и процесс такой интеграции активно протекает и по сей день.

Следует отметить, что интенсивность указанного интеграционного процесса, как и сами взгляды на объем отражения положений теории причинности в иных частных криминалистических направлениях, напрямую связаны с генезисом парадигмы предмета криминалистической науки. Достаточно продолжительное время большинство ученых придерживались в данном направлении взглядов на предмет науки исходя из «традиционных» досудебных потребностей практики борьбы с преступностью. Криминалистические рекомендации были адресованы в первую очередь следователю (дознавателю), как организационному и руководящему субъекту тактики процессуальных действий и применения методических рекомендаций. Как следствие, в юридической литературе преобладали научные направления, раскрывающие возможности теории причинности в объеме практических нужд криминалистического изучения личности неизвестного преступника, подозреваемого, обвиняемого [8–10], в то время как возможности данного направления в рамках изучения и объяснения причинной обусловленности поведения подсудимого через призму криминалистической науки и ее частной теории – учения о лице, совершившем преступление, не находило должного отражения.

В результате чего применительно к судебному этапу изобличения лица, совершившего преступление, у субъектов, поддерживающих государственное обвинение, существовал явный дефицит криминалистических рекомендаций в данном направлении. Ученые, акцентирующие внимание на «досудебных» криминалистиче-

ских разработках, не исходили из необходимости моделирования и оценки стратегической линии поведения лица, совершившего преступление, выявления и объяснения причинной обусловленности смены его поведения на протяжении всего процесса уголовного преследования. В результате отсутствовали предпосылки формирования целостной системы криминалистических рекомендаций по обеспечению процесса изобличения данного лица на последовательно сменяющихся этапах досудебного и судебного производства по делу. Как следствие, судебная тактика и методика реализации позиции обвинения была ограничена в использовании научно обоснованных рекомендаций, направленных на прогнозирование поведения обвиняемого и последующее предупреждение изменения им своей позиции в суде.

Также в «классической» (ориентированной на решение задач предварительного расследования преступлений) криминалистике продолжительное время не уделялось должного внимания особенностям причинно-следственных связей перехода и последующей интерпретации информации о лице, совершившем преступление, из одной поисково-познавательной и доказательственной системы в другую (из системы «предварительного исследования» в систему «судебного исследования» доказательств). Не подвергались тщательному анализу закономерности отражения и оперирования данной информацией в системе ее судебного исследования, особенно с учетом усложненных форм (например, суд присяжных заседателей). В результате превосходство стороны обвинения (информационное, тактическое, организационное и др.) в судебных ситуациях нивелировалось приемами противодействия со стороны защиты, основанными на комплексном причинно-следственном подходе к моделированию поведения и формированию позиции лица, совершившего преступление.

Современные потребности правоприменительной практики неизбежно диктуют свои требования к познавательным и объясняющим возможностям криминалистической теории. Следует констатировать, что последняя давно вышла за пределы нужд досудебного производства [11]. Ее рекомендации востребованы и в рамках судебного исследования доказательств. В связи с этим криминалистическая теория причинности в настоящее время должна развиваться не только в объемах и границах систем «система преступной деятельности – система деятельности по расследованию» в их взаимодействии и взаимозависимости между элементами, образующими эти системы. В частности, изучение

посткриминальной деятельности лица, совершившего преступление, не может ограничиваться потребностями досудебного производства по делу. В ином случае это негативным образом скажется на перспективных разработках в области тактического и методического обеспечения деятельности прокурора, реализующего обвинительную позицию в суде. В частности, модели поведения обвиняемого в суде не всегда прямо детерминированы механизмом совершенного преступного деяния и порождаемыми им последствиями. В ходе вовлечения и прохождения лицом, совершившим преступление, процессуальной процедуры по изобличению на предварительном следствии, под воздействием происходящего его отдельные свойства и состояния могут модифицироваться. Что, в свою очередь, не может не учитываться при оценке его последующего поведения и принятии решений субъектами уголовного преследования на дальнейших стадиях судопроизводства. В связи с этим положения теории причинности связывают процессы познания причин какого-либо явления в рамках конкретной ситуации правоприменения с технологией принятия субъектом адекватных решений по применению конкретных приемов и методов, направленных на ее разрешение и достижение поставленных задач [12].

С методологической точки зрения поступательное развитие криминалистической теории причинности и распространение ее положений на познание причинных зависимостей в рамках функционирования поведения преступника в суде позволяет подойти к исследованию процесса изобличения лица, совершившего преступление, как к системному образованию, внутренние связи которого возможно выявить через призму взаимодействия разных явлений и процессов, сопровождающих генезис такого поведения в ходе реализации досудебного и судебного этапов уголовного преследования. Это обуславливает необходимость изучения данного объекта в совокупности системообразующих факторов более высокого порядка. Такой системой, на наш взгляд, может выступать поведение преступника и процессы отражения его в объективной действительности, детерминированные генезисом свойств и состояний такого лица на протяжении предкриминальной, криминальной и посткриминальной деятельности. При этом отдельные составляющие данных систем можно рассматривать как с точки зрения самостоятельных образований, так и с позиций связей с элементами систем поисково-познавательной и доказательственной деятельности правоохранительных органов (на досудебном и судебном этапах).

Однако реализация обозначенных предложений предполагает пересмотр и корректировку отдельных парадигмальных положений криминалистической теории. В частности, отказ от абсолютизации методологического значения детерминистского подхода, основанного на познании, оценке и применении в практике правоохранительных органов лишь однозначных связей деятельности преступника и деятельности по его изобличению³.

Действительно, следует признать, что для прикладного знания первостепенное (но не исключительное) значение приобретает выявление динамических систем с четко выраженными однозначными связями. Это необходимо для целенаправленной разработки адекватных средств управления явлениями и процессами, как следствие этого – максимальной формализации деятельности правоохранительных органов в целях решения конкретных криминалистических задач, а именно – изложение такой деятельности в виде точной последовательности действий (алгоритма). Естественно, что в целях алгоритмизации поисково-познавательного процесса приоритет отдается однозначным свойствам и связям элементов изучаемой системы, поскольку применительно к таковым менее затруднительно формально описать систему «причина – следствие» и применить к ней соответствующий набор жестко детерминированных действий.

Однако объекты окружающей реальности не всегда образуют системы с четко выраженными однозначными связями и зависимостями. В объективной действительности существуют нелинейные связи и системы, специфика которых заключается в том, что целостность, наличие внутренней устойчивости им придают какие-либо внешние условия. Механизмы поведения нелинейных систем сложны и характеризуются таким состоянием, как многообразие путей разветвления процессов⁴. Подобные процессы приводят зачастую к появлению проблемных ситуаций. Например, возникающие в судебном разбирательстве ситуации, связанные с изменением или отказом от показаний какого-либо из участников процесса, выдвижением подсудимым алиби, которое не проверялось в ходе предварительного следствия, предъявлением новых, не исследованных ранее доказательств, и т.п., существенно меняют информационную стабильность доказательственной системы позиции обвинения.

На наш взгляд, абсолютизация детерминистических взглядов приводит к сужению возможностей криминалистической теории причинности и фрагментарному использованию ее

положений в рамках других частных направлений: учении о личности лица, совершившего преступление, криминалистической ситуологии, теории преодоления противодействия уголовному преследованию. Проявляется это в том, что указанное научное направление ориентируется преимущественно на познание связей и зависимостей в рамках механизма следообразования, представляющего собой непрерывную в пространстве и времени череду действий [13]. В результате чего за пределами познания остаются причинно-следственные связи, отражающие разные аспекты не только криминального, но и посткриминального поведения лица, совершившего преступление (как в рамках досудебного, так и судебного его изобличения).

Очевидно, что с индивидуальными (биологическими, психологическими, социальными) особенностями преступника тесно связан не только механизм совершаемого им уголовно наказуемого деяния. Личностные особенности как обвиняемых, так и подсудимых выступают причинами вариативности их поведения. В некоторых случаях личностные характеристики преступника могут стать существенными только в процессе его уголовного преследования. Например, отношение к потерпевшему и происшедшему событию наиболее полно проявляется как раз в процессе уголовного преследования, а иногда выступает причиной (и основанием) прекращения уголовного дела (ст. 25 УПК РФ) или уголовного преследования (ст. 28 УПК РФ). Как свидетельствует практика, лица, ранее не привлекаемые к уголовной ответственности, чаще раскаиваются в совершенном деянии, осознают новые социальные ценности и предпринимают искренние шаги по заглаживанию причиненного вреда.

Кроме того, на посткриминальное поведение лица, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных отношений, существенное влияние оказывают условия производства по делу (а порой и его форма). Характеристики таких условий могут как усилить действие отдельной причины, так и нивелировать ее. Например, можно констатировать наличие причинных (однозначных и нет) связей между оперированием лицом, совершившим преступление, своими свойствами и степенью информированности о них правоохранительных органов. Как свидетельствует практика, после преступления лицо, его совершившее, прибегает, как правило, к сокрытию своих свойств, отраженных как в материальных, так и идеальных носителях информации, в целях оказания противодействия расследованию (например, замалчивает или предоставляет заведомо ложные сведения о себе).

Причинами того могут выступать: характеристики механизма преступления (например, его неочевидность); состояние процесса расследования (например, информативная недостаточность); относительная психологическая готовность и активность на оказание противодействия и др. По мере накопления субъектами, осуществляющими уголовное преследование, изобличающих доказательств подобная активность снижается. К моменту судебного разбирательства, когда сведения об обвиняемом установлены в достаточном объеме, ему остается в большинстве своем использовать приемы интерпретации своих свойств в целях смягчения уголовной ответственности. Такая интерпретация возможна как через субъективные состояния субъекта (например, особая жестокость по отношению к потерпевшему была вызвана состоянием аффекта), так и через объективные факторы (например, виктимное поведение жертвы явилось причиной противоправного поведения). Зачастую обвиняемые используют связь своих свойств и состояний с процессом уголовного преследования в целях интерпретации его результатов (например, создание противоправного образа действий правоохранительных органов).

Связь причин с условиями производства по делу зачастую успешно используется стороной защиты для реализации приемов «пассивного» противодействия установлению истины в суде. Обычно это касается дел, которые рассматриваются в отношении особо опасного и дерзкого преступления, жертва и преступник которого хорошо известны местным жителям, испытывающим сильные негативные чувства в отношении обвиняемого. В такой ситуации сторона защиты порой прибегает к приемам, направленным на обоснование ходатайства о смене места рассмотрения дела (путем опроса общественного мнения или другим способом) [14, с. 2]. Либо сторона защиты может прибегнуть к умышленному затягиванию процесса судебного разбирательства уголовного дела из расчета на то, что к моменту его рассмотрения по существу оно утратит свою актуальность, снизится общественный резонанс, отдельные характеристики подсудимого заретушируются в памяти свидетелей и потерпевших либо приобретут иную, более выигрышную для подсудимого, интерпретацию.

Следует отметить, что смена стратегии поведения лица, совершившего преступное деяние, на протяжении всего уголовного судопроизводства является очень частым явлением на практике. В качестве условных причин этому выступают: качество проведенного расследования по делу (неоспоримость или уязвимость доказа-

тельственной базы); вид процессуальной формы производства по делу (упрощенная или усложненная); позиции сторон; ситуационные факторы (место производства по делу, его продолжительность и пр.) и др. В результате можно констатировать, что условия, как совокупность независимых от причины явлений, способны превратить в действительность заключенную в причине возможность порождения следствия [15, с. 373]. В этом плане следует согласиться, что проблемы в правоприменительной деятельности субъектов уголовного преследования возникают тогда, когда наряду с поведением лица, совершившего преступление, действуют иные силы (или другие лица), усиливающие действия причин [16]. В связи с этим в криминалистической ситуации отсутствие очевидной причины традиционно выступает признаком проблемной ситуации, обуславливающей необходимость выявления вероятностных связей между исходными данными и предположениями субъекта познания.

Как можно заметить, для нелинейных систем с их неустойчивой и многовариантной составляющей остро стоит проблема принятия субъектом правоприменения решений (тактических, организационных и пр.), определения оптимального варианта выхода из сложившихся ситуаций. Зачастую это требует применения эвристических методов. Последнее делает возможным создание формальных схем принятия решения несколькими возможными способами в сложных неопределенных ситуациях, оцениваемых по многим параметрам. Особенно актуально данное положение видится применительно к механизму судебного разбирательства, в рамках которого сторонам зачастую приходится действовать в условиях функционирования систем, характеризующихся нелинейными взаимодействиями и многообразием путей развертывания процессов в зависимости от различных факторов. Поэтому именно стохастические (вероятностные) алгоритмы позволяют наиболее успешно решить проблемы принятия решения в таких системах и определить оптимальные варианты выхода из сложившихся ситуаций. В рамках последних, как отмечается в литературе, каждая последовательность действий реализуется лишь с некоторой вероятностью, но все вместе последовательности приводят к искомому результату при более широком круге разнообразных условий, нежели в детерминированном алгоритме [17, с. 73]. Так, по одному уголовному делу о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего проектирование социально-демографических свойств личности подсудимого на характеристики со-

става коллегии присяжных заседателей позволило прокурору укрепить свою обвинительную позицию по делу и добиться вынесения обвинительного вердикта. В этих целях при отборе кандидатов в присяжные заседатели государственный обвинитель прибегнул к следующему алгоритму: кандидаты, которые раньше участвовали в судебном разбирательстве, → кандидаты, имеющие детей, → кандидаты-женщины → лица, занимающиеся или в прошлом занимавшиеся педагогической деятельностью [18, с. 150]. В данной ситуации процесс принятия прокурором решения о выборе указанной последовательности действий строился на принципах оценки вероятностных связей и ряда условий (например, возможности отвода кандидата в присяжные стороны защиты).

В связи с этим процесс моделирования криминалистической тактики и методики деятельности по поддержанию государственного обвинения невозможен без учета взаимосвязи категорий необходимости и вероятности в системе причинно-следственных связей. Данное положение учитывает и законодатель, отмечая в ч. 7 ст. 246 УПК РФ возможность появления в деятельности прокурора в суде таких ситуаций, которые не имели однозначных признаков и не были спрогнозированы им при изучении материалов уголовного дела и которые могут привести к отказу от обвинения⁵.

Сложность диагностики судебных ситуаций обуславливается и тем, что в компонентном их составе (особенно проблемных их разновидностей) отражается, как правило, лишь следствие какого-либо явления, процесса и т.п. А причина следствий порой находится далеко за пределами как самого момента возникновения такой ситуации, так и той процессуальной формы, в рамках которой произошла ее актуализация для субъекта правоприменения. Кроме того, выявление и оценка элементов системы «причина–следствие» производится разными субъектами, исходя из задач их деятельности на определенном процессуальном этапе. В результате чего для субъекта начального этапа уголовного преследования оценка обнаруживаемых или поступающих данных происходит без должного соотношения с задачами деятельности субъекта последующего этапа, а конечная цель изобличения преступника выступает в виде некой абстракции. Что объективно приводит к системным ошибкам стороны обвинения. Например, причинами выдвижения стороной защиты новых версий в суде могут выступать следующие факторы, проявляющиеся уже в ходе предварительного расследования: отказ обвиняемого давать показания в силу ст. 51 Конституции РФ, ссыл-

ки на забывчивость, потерю памяти, смена адвокатов перед направлением дела в суд, заявления ходатайств в ходе ознакомления с материалами дела о вызове и допросе дополнительных свидетелей и др. [19, с. 10]. Однако следует констатировать, что редко кто из обвинителей на этапе изучения материалов уголовного дела обращается к следователю с вопросами: какие еще «подводные течения» могут выявиться при рассмотрении дела в суде; какие есть шероховатости; кто из участников процесса ненадежен в своих показаниях и может их изменить; под чьим, по мнению следователя, влиянием может такое изменение произойти и т.д. Так, например, данные практики по половым преступлениям свидетельствуют, что воздействие на потерпевших со стороны родственников преступников оказывается как в процессе предварительного следствия, так и после направления дела в суд. Чаще всего потерпевших пытаются склонить к даче ложных показаний путем предложения материальных благ, обещаниями жениться и т.п., возможны и угрозы в их адрес. В связи с этим в литературе настоятельно рекомендуется государственному обвинителю по данной категории дел обсудить со следователем особенности личности потерпевшей, факты имеющегося воздействия на нее со стороны заинтересованных лиц и др. [20, с. 291]. Получение от следователя подобной информации позволит государственному обвинителю спрогнозировать влияние данных фактов на возникновение проблемных ситуаций поддержания государственного обвинения в суде и принять превентивные меры по нивелированию вероятных «нежелательных» следствий (например, принятие мер по защите участников судебного разбирательства).

Исходя из этого, одной из задач криминалистической науки является разработка рекомендаций, позволяющих минимизировать тактические риски при принятии решений в рамках многофакторной среды (обусловленной длящейся и «многосубъектной» природой уголовного преследования), связи элементов которой не всегда носят однозначный характер и существенно разорваны по времени. Так, ключевое место в прогнозировании поведения обвиняемого в суде традиционно отводится процессу изучения прокурором материалов предварительного расследования. Например, неполнота сбора и недостаточная проверка данных, характеризующих личность совершившего преступление, также формальная проверка его доводов на стадии досудебного производства выступают причинами появления «проблемных» ситуаций при поддержании государственного обвинения в суде и смены модели поведения подсудимого,

как составляющего элемента противодействия его изобличению. А обобщенный опыт, содержащий данные о наиболее встречаемых формах поведения подсудимых в типичных ситуациях судебного следствия, сопоставляется прокурором с конкретным поведенческим актом, что на практике позволяет определить наиболее вероятный сценарий его развития.

Однако эффективное использование категориального аппарата теории причинности для решения практических проблем изобличения преступника в проблемных ситуациях досудебной и судебной форм уголовного судопроизводства нивелируется в криминалистической теории отсутствием должных разработок в области криминалистической ситуалогии. А именно – в рамках изучения системы «следственные → судебные» ситуации. Это приводит к тому, что формирование приемов нейтрализации проблемных ситуаций, носящих сквозной по отношению к досудебному и судебному этапу обвинения характер, не решается на системном уровне⁶. Так, применительно к поддержанию государственного обвинения, к одной из распространенных детерминант проблемных ситуаций относят так называемые «продолжаемые ошибки» [21, с. 141], то есть те ошибки, предшествующий период которых, а также процесс возникновения и формирования негативных результатов ошибки были заложены в процессе уголовного преследования обвиняемого (подозреваемого). Данное обстоятельство свидетельствует о преимуществе комплексного подхода к пониманию причинности генезиса криминалистических ситуаций в процессе изобличения лица, совершившего преступление. Последнее позволит с практической точки зрения отслеживать изменения во всей цепочке причинно-следственных связей их появления и функционирования и задействовать ресурсы всех уровней и подсистем уголовного преследования в целях управляющего воздействия на такие ситуации. По нашему глубокому убеждению, такое возможно лишь при модификации устоявшегося понимания криминалистического механизма процесса изобличения лица, совершившего преступление, когда ситуации досудебного обвинения разрешались бы через призму моделирования конечной цели изобличения преступника. Такой подход направлен на повышение эффективности диагностики нелинейных характеристик в системе причинно-следственных связей досудебных и судебных ситуаций обвинения.

Также мы полностью разделяем идею о необходимости включения в содержание криминалистических методик (в том числе и методики поддержания государственного обвинения)

типовых моделей оказания противодействия субъектам, осуществляющим уголовное преследование [22, с. 10–11]. Однако целенаправленная разработка средств и методов по их нейтрализации логично предполагает выявление и обобщение соответствующих закономерностей поведения лиц, такое противодействие оказывающих, в процессе как предварительного расследования, так и поддержания государственного обвинения в суде. Тем более что такие закономерности напрямую детерминированы генезисом субъективных составляющих системы «подозреваемый – обвиняемый – подсудимый». А это предопределяет необходимость типизации, в частности, подсудимых, их поведенческих актов, исходя из особенностей вида преступного деяния, а также генезиса следственных и судебных ситуаций, влияющих на изменение отдельных свойств и состояний и механизмов поведения такого лица на протяжении всего процесса его изобличения.

Подводя итог, отметим, что развитие криминалистической теории причинности с учетом ее системных связей с другими частными теориями предопределяет круг актуальных проблем, решение которых позволит гармонизировать методологическую составляющую криминалистической теории в целом:

- выявление как детерминированных, так и нелинейных связей в рамках механизма преступления, криминального и посткриминального поведения лица, его совершившего;
- развитие в рамках криминалистической теории о лице, совершившем преступление, более частного направления – учения о личности подсудимого;
- проведение классификационных исследований в отношении личности подсудимого в целях выявления связей свойств и состояний данного лица с механизмами его поведения в рамках судебного разбирательства;
- исследование генезиса свойств и состояний личности преступника через призму прохождения им процедур досудебного и судебного производства по делу;
- причинно-следственный анализ поведения лица (в том числе и направленного на оказание противодействия), совершившего преступление, с учетом сменяющихся ситуаций уголовного преследования;
- типизация причин изменения обвиняемым своей позиции в суде;
- формирование общей теории преодоления противодействия уголовному преследованию с отдельными внутрисистемными направлениями – частными теориями преодоления противодействия в процессе расследования преступлений и

поддержания государственного обвинения в суде;

- исследование механизмов противодействия, оказываемого в рамках судебного разбирательства по отдельным категориям уголовных дел;

- типизация актов противодействия с учетом судебных ситуаций;

- анализ генезиса криминалистических ситуаций на протяжении всего процесса реализации обвинительной позиции, как в рамках досудебного, так и судебного производства;

- уточнение категорий: судебная ситуация, ситуация поддержания государственного обвинения в суде;

- типизация судебных ситуаций и ситуаций поддержания государственного обвинения;

- выявление причин появления проблемных ситуаций в поддержании государственного обвинения в суде;

- определение связей проблемных ситуаций с актами противодействия как досудебному, так и судебному уголовному преследованию;

- типизация ошибок досудебного производства и причин появления проблемных ситуаций в поддержании государственного обвинения в суде;

- использование математического аппарата в понимании причинности и создание алгоритмов принятия оптимальных решений в многофакторных системах.

Изложенное еще раз свидетельствует о необходимости органического развития системы частных криминалистических теорий, приводящего к получению не только дифференцированных практических рекомендаций в рамках отдельных направлений, но и их синтезированного продукта. В частности, интеграция положений учений: о подсудимом, преодолении противодействия уголовному преследованию, судебных ситуациях – в криминалистическую тактику и методику позволит создать дополнительный теоретический базис для формирования тактических рекомендаций и частных методик поддержания государственного обвинения по отдельным категориям уголовных дел. Индивидуализация криминалистических рекомендаций по поддержанию государственного обвинения по отдельным категориям преступлений, имея ярко выраженную причинную обусловленность, может быть связана с дифференциацией способов совершения преступлений, типизацией судебных ситуаций, с личностными особенностями подсудимых, с занимаемыми ими позициями по уголовному делу, типовыми моделями противодействия уголовному преследованию и др.

Примечания

1. Так или иначе, любая частная криминалистическая теория базируется или использует знания другой

частной теории, тем самым обогащая друг друга. В этом заключается системность частных теорий, которая не только отражает их внутреннюю связь, но и обеспечивает гармоничное развитие всей системы криминалистического знания, в рамках которого одни теории выступают в качестве строительного материала для других.

2. Например, природа, формы и акты противодействия уголовному преследованию рассматриваются а) во взаимосвязи с проявлением свойств и состояний лица, совершившего преступление; б) через призму причинной обусловленности и условий их проявления на этапах криминального и посткриминального поведения преступника; в) выступают основанием для типизации проблемных следственных и судебных ситуаций в криминалистической ситуалогии; г) их классификационные исследования выступают основанием для разработки приемов преодоления такому противодействию в рамках частной теории преодоления противодействия уголовному преследованию.

3. В рамках данного исследования мы акцентируем внимание на возможностях применения положений теории причинности именно в криминалистических целях, не оспаривая общепринятые положения доктрины уголовного права, где наступивший преступный результат имеет уголовно-правовое значение только тогда, когда между ним и преступным поведением существует причинная связь. А отсутствие прямой причинной связи между деяниями и наступившими последствиями исключает наличие в действиях лица состава преступления.

4. Такие состояния определяют как точки бифуркации – качественной перестройки системы при изменении параметров, от которых она зависит.

5. При всей прогрессивности абсолютизации законодателем самостоятельности в деятельности следователя, сокращение полномочий прокуратуры в области надзора за предварительным следствием существенно повлияло на качество реализации обвинительной позиции в суде. Каких-либо существенных компенсаторных механизмов (даже на уровне ведомственных актов) в настоящее время не появилось. При этом законодатель и правоприменительная практика продолжают игнорировать причинно-следственные связи в деятельности субъектов уголовного преследования, носящие системный характер. Ошибки, всплывающие в процессе поддержания обвинения в суде, являются результатом не только упущений (процессуальных и криминалистических) органов предварительного следствия, но недоработок самих прокуроров, надзирающих за дознанием, утверждающих обвинительные заключения. Одним из возможных направлений выхода из сложившейся ситуации видится закрепление обязанности поддерживать государственное обвинение за прокурорами, осуществляющими надзорную деятельность.

6. Вместо этого в деятельности субъектов уголовного преследования продолжает процветать пагубная практика обвинения «с запасом», который заложен в обвинительное заключение, дающая возможность, поддерживая обвинение в суде, отказаться от него в части «запаса», если в полном объеме обвинение не подтвердится.

Список литературы

1. Причинность в криминалистике: Сб. науч.-практ. статей / Под ред. И.М. Комарова. М.: Юрлитинформ, 2018. 246 с.
2. Гусев А.А. Установление личности по признакам внешности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. 16 с.
3. Терзиев Н.В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности: Учеб. пособие. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1956. 131 с.
4. Снетков В.А., Зинин А.М. Методика отождествления по признакам внешности лиц, сфотографированных со значительным разрывом во времени. М., 1971. 24 с.
5. Глазырин Ф.В. Криминалистическое изучение личности обвиняемого: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1973. 34 с.
6. Жбанков В.А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 45 с.
7. Лушечкина М.А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
8. Макаренко И.А. Личность несовершеннолетнего обвиняемого как объект криминалистического исследования. М.: Юрлитинформ, 2006. 347 с.
9. Малыгина Н.И. Лицо, совершившее преступление, как объект изучения в криминалистике. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «СГЮА», 2012. 160 с.
10. Бедризов А.Г., Волчечкая Т.С., Галяшин Н.В. [и др.] Криминалистическое изучение личности: Научно-практическое пособие для магистров / Отв. ред. Я.В. Комиссарова. М.: Проспект, 2023. 224 с.
11. Кисленко С.Л. Моделирование криминалистической деятельности по поддержанию государственного обвинения в уголовном судопроизводстве: Монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 416 с.
12. Комаров И.М., Ян Е.И. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 21–27.
13. Грибунов О.П. Криминалистическая теория причинности в контексте установления механизма слеодообразования: философские и теоретические аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 207–211.
14. Саинчин А.С. Влияние средств массовой информации на объективное расследование и вынесение судебного решения // Вістник Запорізького державного університету. Юридичні науки. 2003. № 1. С. 1–2.
15. Философская энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1964. Т. 4. 592 с.
16. Игнатъев М.Е. Криминалистическое значение уголовно-правовой причинной связи // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 48–53.
17. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 166 с.
18. Волошин В.М. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Следственная практика. Научно-практический сборник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Вып. № 184. М., 2011. С. 150–153.
19. Поддержание государственного обвинения: Учебное пособие / Под общ. ред. В.И. Рохлина. СПб.: Санкт-Петербургский юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. 72 с.
20. Криминалистика для государственных обвинителей: Учебник / Под ред. А.Ф. Козусева, В.Н. Исаенко, А.М. Кустова. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 480 с.
21. Посохина И.В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 235 с.
22. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 39 с.

**THE CRIMINALISTIC THEORY OF CAUSALITY AS A METHODOLOGICAL BASIS FOR
THE DEVELOPMENT OF INDIVIDUAL PRIVATE CRIMINALISTIC THEORIES AND
LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF MODERN NEEDS
OF CRIMINAL JUSTICE PRACTICE**

S.L. Kislenko

The purpose of the study is to substantiate the methodological potential of the criminalistic theory of causality in the system of criminalistic theory and the system of practical activities of subjects of criminal prosecution.

Research methods: abstraction, induction, empirical analysis, idealization, constructive introduction of theoretical objects, general scientific and philosophical justification.

The results of the study: the paradigm of "pre-trial" criminology is critically analyzed and the ways of its transformation are determined, taking into account the modern needs of the criminal prosecution system; the prospects for the development of the criminalistic theory of cause and effect in conjunction with individual private criminalistic theories are determined; methodology and ways of mutual enrichment from these private theories in the process of their systemic development are determined ways to improve the legal, organizational and the criminalistic aspects of the practice of exposing a criminal during pre-trial and judicial criminal prosecution.

Keywords: criminalistic theory, causality theory, criminalistic situationology, the study of the criminal's personality, the mechanism of the crime, criminal prosecution, maintenance of public prosecution, criminalistic tactics and methodology.

References

1. Causality in criminalistics: Collection of scientific and practical articles / Ed. by I.M. Komarov. M.: Yurlitinform, 2018. 246 p.
2. Gusev A.A. Identification based on appearance: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 1955. 16 p.
3. Terziev N.V. Criminalistic identification of personality based on appearance: Textbook. M.: AULCI Publishing House, 1956. 131 p.
4. Snetkov V.A., Zinin A.M. Method of identification based on the appearance of persons photographed with a significant time gap. M., 1971. 24 p.
5. Glazyrin F.V. Criminalistic study of the personality of the accused: Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. Sverdlovsk, 1973. 34 p.
6. Zhibankov V.A. Conceptual foundations of establishing the identity of a criminal in criminalistics: Abstract of the dissertation of the Doctor of Law. M., 1995. 45 p.
7. Lushechkina M.A. Criminalistic study of personality in the tactics of investigation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2002. 26 p.
8. Makarenko I.A. The identity of the minor accused as an object of forensic research. M.: Yurlitinform, 2006. 347 p.
9. Malykhina N.I. A person who has committed a crime as an object of study in criminology. Saratov: Publishing house of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «SSLA», 2012. 160 p.
10. Bedrizov A.G., Volchetskaya T.S., Galyashin N.V. [et al.] Criminalistic personality study: A scientific and practical guide for masters / Ed. by Ya.V. Komissarova. M.: Prospekt, 2023. 224 p.
11. Kislenco S.L. Modeling of criminalistic activities to support state prosecution in criminal proceedings: Monograph. M.: Yurlitinform, 2023. 416 p.
12. Komarov I.M., Yan E.I. Criminalistic theory of causality: some philosophical and theoretical foundations // Problems of law enforcement. 2017. № 1. P. 21–27.
13. Gribunov O.P. Criminalistic theory of causality in the context of establishing the mechanism of trace formation: philosophical and theoretical aspects // Bulletin of Tomsk State University. 2019. № 446. P. 207–211.
14. Sainchin A.S. The influence of mass media on objective investigation and adjudication // Bulletin of the Zaporiz State University. Legal sciences. 2003. № 1. P. 1–2.
15. Philosophical encyclopedia: in 5 volumes / Chief editor F.V. Konstantinov. M., 1964. Vol. 4. 592 p.
16. Ignatiev M.E. The criminalistic significance of the criminal-legal causal relationship // Problems of law enforcement. 2017. № 1. P. 48–53.
17. Sukhodolsky G.V. Fundamentals of the psychological theory of activity. L.: Publishing House of the Leningrad University, 1988. 166 p.
18. Voloshin V.M. Maintenance of state prosecution in court with the participation of jurors // Investigative practice. Scientific and practical collection of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Issue № 184. M., 2011. P. 150–153.
19. Maintaining public prosecution: A textbook / Under the general editorship of V.I. Rokhlin. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2005. 72 p.
20. Criminalistics for public prosecutors: Textbook / Ed. by A.F. Kozusev, V.N. Isaenko, A.M. Kustov. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 480 p.
21. Posokhina I.V. Criminalistic aspects of maintaining public prosecution in cases of bribery: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences. SPb., 2006. 235 p.
22. Garmaev Yu.P. Theoretical foundations of the formation of criminalistic methods of crime investigation: Abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. M., 2003. 39 p.